

И. [И.] ПРЕЗЕНТ

Проблема научных кадров в освещении буржуазного биолога

(К вопросу о партийности науки)

Перед нашей страной в качестве первоочередной задачи встала проблема создания массовой пролетарской интеллигенции. Приближая к себе переварившуюся в котле социалистической стройки массу уже наличествующих интеллигентски-технических кадров, пролетариат должен *в кратчайший срок*, максимальными темпами выделить *из своей среды* массу руководителей, теоретиков положительно всех отраслей науки и техники. Свой пролетарский ученый должен стать массовым явлением.

Понятно, какой интерес представляют для пролетариата те или иные научные труды, которые так или иначе ставят, так или иначе решают проблему создания научных кадров.

Среди ученых чрезвычайно широко распространено мнение, что наука бесклассова, что развитие науки движется чисто теоретическим интересом, что только личная *любопытность* лежит в основании научного развития.

Так думают многие ученые, так думает (во всяком случае, думал) и академик Вернадский, который во время мировой войны вместе с педагогом Знаменским, вместе с Шингаревым и Гиппиус, вместе с Милюковым и др. выпустил сборник статей под названием: «Чего ждет Россия от войны», где он писал следующее: «Перед интересами науки... умолкали мелкие распри политических интересов дня. В научной среде человек... хотя бы одной стороной своей культуры жил в идеальном будущем строе единого человечества... Наука, подобно искусству и религии, и даже больше, чем искусство и большинство религиозных систем, является культурной организацией, мало зависимой от государственных или племенных рамок. Наука едина. Ее цель — искание истины ради истины, а та истина, которая получается

усилием вековой научной работы, далека от исторической обстановки момента, обща и едина всем без различия. Поистине, в науке, как и в мировых религиях, несть эллина и несть иудея» *.

Так писал, так, по всей видимости, думал, а возможно, и думает академик Вернадский.

Но как мало умолкают «мелкие распри политических интересов дня перед интересами науки», рассказывает нам в этой же статье, двумя страницами дальше, *сам* акад. Вернадский: «Еще теперь, — пишет он, — после 40 лет, живы были воспоминания 1870—1871 гг. во взаимных сношениях немецких и французских ученых, и мы их постоянно чувствовали на международных конгрессах и в международных предприятиях» **.

Но, может быть, немцы и французы не могут подняться выше «политических интересов» и потому не могут служить интересам чистой науки, а вот сам академик Вернадский — не француз и не немец — действительно, может быть, жил надполитической, надклассовой жизнью, являя пример жреца чистой науки, не запятнанного низменными «политическими интересами дня». Может быть, для акад. Вернадского, как человека науки, действительно «несть эллина и несть иудея».

Об этом нам также говорит все та же статья акад. Вернадского: «Трудно, конечно, — пишет он, — и невозможно сказать, будет ли в состоянии человечество избежать нового опыта такого кровавого применения научных завоеваний: это зависит в значительной мере от политических результатов войны, от *доведения ее до конца*, до значительного ослабления империалистических стремлений Германии и от силы того чувства этического протеста, какой вызывает в сознании человечества дикий способ ведения войны, свойственный эпохе переселения народов, перенесенный германской государственной организацией в XX век» ***.

Это доведение войны до победного конца, по-видимому, нужно лишь в интересах чистой науки, а не в интересах завоевания Дарданелл, о которых Милюков пишет статью рядом, в этом же сборнике. Ведь не может же представитель науки, ищущий истину ради истины, требовать уничтожения германцев иначе как во имя чистой науки.

* *Вернадский В. И.* Война и прогресс науки // Чего ждет Россия от войны: Сб. статей. 2-е изд. Изд-во «Прометей», 1915. С. 73¹.

** Там же. С. 75.

*** Там же. С. 70—71.

Но так ли уж наука чиста и надземна по своим интересам и движущим пружинам, как это утверждает акад. Вернадский?

И об этом мы также читаем в его статье: «Великая война 1914 года отражается на научном мировом движении... возбуждает научное творчество, направляет силы и мысль исследователей в новые области научных исканий. Бесстрастный (!) характер точного знания сказывается в его помощи военному разрушению»*.

Ленин доказал, что война есть продолжение политики иными средствами; поэтому наука так же «бесстрастна» в мирное время, как и в военное. Ведь *мирное* время насквозь пронизано классовыми боями, и наука в действительности является одной из форм борьбы классов за свои интересы. Буржуазия благодаря своей *классово-эксплуаторской* природе не может расшифровать все виды своего классового оружия и вынуждена маскировать его защитным цветом бесклассовости. Отсюда и вырастают теории бесклассовости науки, сюда уходят корни теории «науки для науки». <...>

* Там же. С. 69.